

The illustration depicts a young boy in a dark blue naval-style jacket with brass buttons, leaning over the side of a wooden ship. He is reaching out his hand towards a young girl in a blue pajama top with white stars. The girl is standing in her bedroom, looking up at the boy with her arms raised. The background of the illustration is a vibrant, watercolor-style sky with yellow and orange hues, featuring several purple whales and dolphins swimming. Large, billowing clouds of purple and yellow watercolor paint are positioned between the boy and the girl, creating a sense of distance and wonder. The scene is set in a child's bedroom, with a bed, a desk, and two teddy bears visible in the background.

РИТА ФЕНХЕЛЬ

**МОЁ ЧУДО
ЖИВЁТ
ПО СОСЕДСТВУ**

Рита Фенхель

Мое чудо живет по соседству

«Автор»

2026

Фенхель Р.

Мое чудо живет по соседству / Р. Фенхель — «Автор», 2026

У каждого ребёнка есть воображаемый друг. А у Лии он — настоящий. Ну, по крайней мере, для девочки уж точно. Ведь Ясури всегда рядом в трудную минуту. И не важно, в какой реальности для других он живет, потому что именно этот мальчик учит Лию не бояться темноты и видеть магию в обыденности. Но что делать, если окружающий мир становится жестоким, а сомнения заставляют поверить, что друг — лишь выдумка? Это история о борьбе за чудо. О том, как сохранить свой внутренний мир под давлением жестокой реальности. А также о том, как самая искренняя дружба однажды становится самой настоящей любовью. Кстати, а вы уверены, что ваши детские чудеса действительно были лишь фантазиями?

© Фенхель Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

История первая. Поезд	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Рита Фенхель

Мое чудо живет по соседству

История первая. Поезд

Остановка на станции длится пять минут. Начальник поезда в форменном тулупе — большой, усатый и важный — выходит на платформу и устало смотрит на умиротворяющую ночь. Снег серебрится аккуратно под большим станционным фонарем. Вдалеке виднеются очертания какого-то привокзального сарая, где, скорее всего, хранятся посылки, привезенные почтовыми составами. Начальник поезда достает из кармана тулупа кисет, вытаскивает оттуда щепотку табака и прячет бархатный мешочек обратно. Затем вынимает трубку и набивает ее, старательно утрамбовывая листья красными обветренными пальцами. Раскуривает. Прикрывает спичку своей громадной ладонью, так чтобы ветер не задул. Смакует мундштук во рту, причмокивая губами, как пони в парке аттракционов, когда ему даешь рафинад. Затягивается, а потом выпускает дым через ноздри. Теперь он похож на сказочного дракона, который стережет замок принцессы. Холодно. Минус двадцать восемь.

В купе темно, зябко и пахнет квашеной капустой, потому что этим вечером лопнула одна из банок с гостинцами. Все кругом спят. Только у Лии ни в одном глазу.

Маленькая и худенькая, она все время мерзнет. Поэтому кутается в свою лисью шубку. А ещё девочка слушает, как по вагону идет проводница. И представляет себе ее — высокую, стройную, кудрявую, в форме железнодорожных работников. «Все проводницы очень красивые» — думает Лия, и вытаскивая озябшие ручки из-под шубы, дышит на них. А потом она начинает представлять, что у той самой женщины, которую она вообразила до этого, есть семья: муж и дети. И при том ребяташек обязательно двое.

«В семье должно быть двое детей: брат и сестра. Сестра старшая, а брат младший, потому что мальчики должны уступать девочкам, особенно в таком важном вопросе, как рождение» — так рассуждает Лия, — «А еще их потому должно быть двое, чтобы они никогда не скучали. Одному так одиноко от того, что он никому не может сказать, что он очень одинок один. Вот, к примеру, захочется тебе с кем-нибудь поделиться тем, что леденец сладкий, а не с кем. Так никто и не попробует, и не узнает, какой вкусный сахарный петушок, особенно когда его принесли с мороза. Съешь ты свое лакомство один, и что толку? Все равно, что не было его, ведь не с кем потом вспомнить, как это — есть сахарных петушков, принесенных с мороза».

Состав издает громкий протяжный гудок. Начальник поезда сморкается, ворчит и неуклюже залезает в холодный вагон.

Лия свешивает ножки с нижней полки и тянется к запотевшему окошку. Она пытается проследить, как начнет свой путь поезд. Но девочке практически ничего не видно. Поэтому она утыкается носом в стекло. Только мир за окном словно бы укутан густым туманом. Лишь свет от станционного фонаря образует небольшое яркое пятно.

Посидев так несколько секунд и ничего толком не разглядев, девочка все же отстраняется. И тут замечает, что на запотевшей поверхности остается след в форме кончика ее носа. Лия трет этот отпечаток кулачком, пока округлость не становится размером с футбольный мяч. Затем девочка отклоняется чуть назад и деловито смотрит на проделанную работу.

А поезд уже набирает скорость и мчится. Мимо заснеженных полей. Мимо лесов и спящих под ночным покровом сёл. Протертый кружок на окошке все равно, что прорубь в пруду, и в нем плещутся темные силуэты деревьев. Вот появляется огонек, второй, третий — это какая-то маленькая деревенька. Но Лии представляется, будто это светлячки. Они то вверх, то вниз

— летят... летят себе в ночном просторе. И поезд мчится, мчится — чух-чух, чух-чух. И Лия раскачивается в такт ударам колес о стыки рельс.

— А ты знаешь, что если долго вглядываться в темноту, то темнота однажды ответит тебе тем же? — раздаётся голос над самым ее ухом.

Лия непроизвольно зажмуривается. Ясури, умиляясь доверчивости подруги, с улыбкой уточняет:

— Да это же просто выражение такое. Неужели, поверила?

Девочка, насупившись и скрестив руки на груди в замок, начинает настойчиво смотреть в ночь. Не моргая. До рези в глазах.

— Эй, ты что, обиделась? — друг пытается заглянуть в лицо Лии, но та отворачивается.

За окном плывет лес. Они вдвоем молчат и смотрят на его волны в темном кружке-про-рубви. Слышно, как на другом конце вагона открылась дверь купе. Наверное, кто-то из пассажиров вышел в тамбур.

— Скажи, разве интересно обижаться? — Ясури не выдерживает долгого молчания.

Но девочка не отвечает.

— Ты сейчас похожа на утку, — слегка задумчиво произносит мальчик.

Лия недовольно ведет плечом.

— Утка, а ну-ка скажи кря-кря, ну, скажи кря-кря, ну, давай. Кря-кря.

Девочка поворачивается к другу и показывает ему язык, после чего тут же устремляет взгляд обратно в окно.

— Нет, утки так не делают, — со знанием дела заявляет мальчик. — Они смешно переступают с лапки на лапку, хлопают крыльями и обязательно крикают.

Лия представляет все это и пытается подавить внезапный смешок.

— Ага, попалась. Я видел, как ты улыбнулась, — уловив этот момент, радуется Ясури

— А вот и нет.

— А вот и да.

— А вот и нет, — продолжает спорить девочка. Но вдруг понимает, что не права. И поэтому хмурится, не говоря больше ни слова.

Мальчик тоже замолкает, не зная, как еще развеселить подругу, и смотрит куда-то в слегка синеватую темноту купе. Но спустя минуту раздумий, он решает подойти к этому вопросу с другой стороны.

— Ты еще не разобиделась? — толкая девочку плечом в плечо, спрашивает Ясури.

— Нет.

— А сейчас? — спустя несколько секунд повторяется мальчик.

— Нет.

— А сейчас?

— Не спрашивай. Ты мешаешь мне обижаться.

— Хорошо, — Ясури прикусывает губу и чуть помолчав, заявляет. — Раз ты не собираешься разобижаться, тогда я тоже на тебя обиделся.

— А это еще почему? — удивлённо возмущается Лия, моментально поворачиваясь к другу лицом.

— Ради справедливости, — с гордостью отвечает тот.

— И за что же ты на меня обиделся? — удивляется девочка, глядя Ясури в глаза.

— Я обиделся на тебя за то, что ты обиделась на меня за то, что... Кстати, за что ты на меня обиделась?

Лия грустно вздыхает:

— Ты, как взрослые, сказал небылицу. Они тоже говорят, что можно, а что нельзя. И что бывает если сделать то, чего делать нельзя. И, в итоге, им веришь, а потом оказывается, что они соврали.

— Ну прости, - друг в замешательстве ерошит волосы на затылке, — Я ведь просто ляпнул первое, что пришло в голову. К тому же, некоторые небылицы очень даже полезны.

— Да, и чем же? — девочка смотрит на Ясури с неким недоверием.

— Чем? Дай-ка подумать... О, например, сказки! Это же тоже небылицы, но они учат нас чему-то доброму. Или басни. А ещё былины и легенды. Все они нужны для того, чтобы рассказать о чем-то важном. Да даже воображая что-то, ты уже создаешь полезную небылицу!

— Это как же?

— А так, — воодушевленно принимается объяснять мальчик. — Смотри, когда мы что-то воображаем, то этого как бы сначала нет. Верно? Но потом оно появляется. Пусть только в мыслях. Но все же. А если долго-долго воображать и верить в это, то воображаемое оживает. И небылица становится настоящим. Понимаешь? Поэтому воображать надо всегда что-нибудь хорошее.

Друг так вдохновенно говорит, что Лия непроизвольно заслушивается его. Но тут же, словно вспоминая нечто неприятное, сердито фыркает:

— Только пока воображаешь и веришь в это, все считают тебя дурачком. Вон, даже ты усмехнулся, что я зажмурилась, когда услышала про темноту.

Ясури хмурится, правда, наигранно, только чтобы подчеркнуть важность своих слов:

— Ну, знаешь ли, теперь уже в пору мне обижаться по-настоящему.

— С чего это? — искренне возмущается Лия.

— С того, что я не усмехался. А... — мальчик отсекается, смущаясь своих чувств. Но тут же собирается с мыслями и продолжает, — Так. Не знаю кто кого кем считает, но я люблю, когда люди верят в то, что воображают.

— Почему?

— Потому что, мне кажется, будто именно так рождается волшебство.

— Правда?

— Конечно!

— Ну тогда я разобиделась, — немного подумав, улыбается Лия и кладет голову другу на плечо.

Дети молчат. В купе по-прежнему темно и слышно только, как ровно дышат спящие взрослые. А состав едет, оставляя позади снежные просторы. Кружок-прорубь постепенно начинает запотевать вновь, становясь все меньше, но в него все еще видны пролетающие мимо деревеньки с их огоньками-светлячками.

— Сколько там домиков, — задумавшись, говорит девочка. - И во всех этих домиках живут люди. В каких-то много людей, а в каких-то всего один человек. Ясури, как ты думаешь, такое может быть, чтобы человек был совсем один?

— Думаю, что может. Все люди одиноки, только каждый из них по-своему.

— Но ведь это так грустно.

— Да, грустно, — соглашается мальчик.

— И неправильно, совсем неправильно, - Лия расстроено обхватывает колени руками. — Так быть не должно. Надо что-нибудь придумать, — и тут она внезапно хватается друга за руку и крепко ее сжимает, так крепко, что у нее у самой начинают болеть пальцы. — Я знаю, что мы сделаем. А давай, мы его вообразим, того человека, что живет в доме один? Мы его вообразим, и он нас тоже вообразит в ответ. И это будет словно мысленно махать друг другу. А когда мы его вообразим, а он вообразит нас, то будет уже не один, потому что мы ведь тоже его воображаем, а, значит, что мы окажемся с ним рядом.

— Знаешь, а это отличная идея! — соглашается Ясури.

Они ложатся на полку, обнявшись, положив головы на подушку и укрывшись пледом. И придумывают.

— Он любит молоко, — воодушевленно произносит Лия.

— А еще он любит орехи.

— И у него холодные руки, потому что у всех одиноких людей холодные руки, потому что их некому согреть...

...И состав все мчится. Мчится. Сквозь снежные бураны. Сквозь ветра. Мимо поселков и городов. Мимо лесов и полей. Куда-то в ночную неизвестность.

Кружок-прорубь полностью запотел. А они все придумывают и придумывают.

— И теперь он не один. — говорит девочка, зевая.

А где-то в своем купе начальник поезда сидит у печки и потирает ладонь о ладонь, чтобы согреть замерзшие руки. И думает о том, что не одинок, хотя бы потому, что где-то тоже есть такой же одинокий человек, как он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.